

АННОТАЦИИ МОНОГРАФИЙ SUMMARIES OF MONOGRAPHS

УДК 94(470.6). «17/1917»

ББК 63.3(235.7)5

К 12

**Материалы конференции: «Кавказская война:
проблемы типологии источников и методы их анализа».
Республика Адыгея, г. Майкоп, 14 мая 2014 г.**

Материал подготовлен Н.А. Почешховым,

доктором исторических наук, профессором кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, деканом исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-918-425-28-36

Р.Д. Хунагов,

доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(8772)-57-02-73

**Materials of the conference: «The Caucasian War:
problems of typology of sources and methods of analysis.»
Republic of Adyghea, Maikop, May14, 2014**

Material is prepared by N.A. Pocheshkhov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Historiography, the Theory and Methodology of History, Dean of the Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-918-425-28-36

R.D. Khunagov,

Doctor of Sociology, Professor, Rector of Adyghe State University, Maikop, ph.: 8 (8772) -57-02-73

Проблема источников — одна из самых важных в гуманитаристике: именно из сохранившихся свидетельств мы извлекаем сведения, определяющие уровень научного познания. В зависимости от того, как исследователем комплектуется и осмысливается источниковая база, можно судить о полноценности исторической науки. Естественно, что до наших дней дошли далеко не все исторические источники, отражающие сложные, трагические события Кавказской войны, поэтому вполне логично на обсуждение вынесен вопрос о возможностях расширения корпуса источников и, что не менее важно, совершенствования методологии их критического анализа.

Меня как социолога в наибольшей степени интересует вопрос: насколько современных людей с их повседневными заботами и проблемами интересует историческое прошлое? Думаю, что это в первую очередь зависит от интеллектуального состояния общества и профессиональной ответственности историков. На первый взгляд, кажется, что от прошлого остаются документы, факты, но, как правило, люди обращаются не к документам, а к реконструкции, предложенной историками, по крупицам, восстанавливающим историческую действительность. Именно поэтому столь важна и ответственна роль историка репрезентирующего прошлое.

В последние десятилетия стремительно нарастает волна «переписчиков истории». К сожалению, историки уделяют крайне мало внимания вопросу *искажения и умышленной фальсификации источников*. Это имеет отношение и к специальным работам, посвященным Кавказской войне. По-видимому, настало время провести археографическую «обработку» источниковой базы изданных работ, в том числе и сборников документов, а также фондов государственных архивов, чтобы, наконец, отделить «зерна от плевел».

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что если древняя и средневековая история народов Северного Кавказа искажается в основном в результате непреднамеренных ошибок, то с конца XVIII века велась, по-видимому, целенаправленная фальсификация документов исходя из политических и идеологических соображений. Это следует постоянно иметь в виду. Тем более, что мы имеем горький опыт «переписывания истории» под Сталина, Хрущева, Брежнева... История вновь «переписывается» и с 90-х годов прошедшего столетия, и каждый раз создается «новая история» Кавказской войны. Вне всякого сомнения, наступило время обостренной потребности в источниковедческих исследованиях как фундаментальной основы исторической науки. Только умение работать с эмпирическими данными, свободно ориентироваться в огромном многообразии документов может привести к созданию научной концепции войны на Кавказе.

В наши дни немало историков стремятся, собрать как можно больше свидетельств жестокости, проявленной в годы войны как одной, так и другой стороной, используя именно их как главный аргумент в выступлениях на конференциях и, особенно, в дискуссиях на форумах в Интернете. При таком подходе не учитывается, что проблема не в том, чтобы восстановить как можно больше трагических фактов, а скорее в том, чтобы понять, как прошлое было *пережито* народом, как сегодня видятся уроки трудного опыта

и осмысливаются дальнейшие перспективы развития.

В течение последних двух лет прошло несколько представительных научных конференций международного уровня, посвященных 150-летию окончания Кавказской войны в Ростове — на — Дону, Кабардино — Балкарии, Абхазии. Мне бы хотелось отметить участие в их работе профессоров исторического факультета. Опубликованные доклады и тезисы выступлений, в том числе и изданных на английском языке, свидетельствуют не только о достойном теоретико-методологическом уровне осмысления ими обсуждавшихся проблем, но и твердой гражданской позиции, традиционно присущей историкам России.

Н.А. Почешхов,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, декан исторического факультета Адыгейского государственного университета, г.Майкоп, тел.: 8-918-425-28-36

Оценить состояние исторического знания невозможно без обращения к характерным особенностям дошедших до нас источников. Эта проблема сохраняет особое значение при изучении Кавказской войны, учитывая состояние письменности и грамотности народов этого региона. Как известно, реконструкция событий войны уже почти два века ведется преимущественно на основе официальных российских источников.

Сегодня особую остроту приобретает проблема отношения общества к «унаследованному» прошлому, к документам, фиксирующим исторические события. Обращаясь к этой непростой теме, И.Д. Ковальченко подчеркивал, что «историк должен показать, что представляет собой это наследие и насколько эффективно оно использовалось» [1]. Решить эту задачу возможно только на основе исследования всего корпуса накопленных источников. В этой плоскости и лежат основные сложности.

В последние годы произошли существенные «сдвиги» в осознании значимости публикации исторических источников: все большее число людей стремится обратиться именно к первоисточникам. Серьезным документальным основанием для исследования проблем Кавказской войны стало издание тематических сборников архивных документов [2].

Серьезного внимания заслуживает сборник документов «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв.» [3]. В данный сборник вошли как официальные, так и неофициальные материалы, свидетельствующие о политике и практике Российской империи на Кавказе. Основная часть документов извлечена составителями из фондов центральных российских архивов и малоизвестных публикаций. Бесспорно, интерпретация и анализ источников по данной проблеме требует от историков не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного, твердого стремления к объективности.

В современной северокавказской историографии еще не сложился исследовательский интерес «к людям в истории»: горцам участвовавшим в Кавказской войне. В то время, как многие из них в свое время были хорошо известны, о них уже в годы войны сложились изустно передаваемые предания, а их подвиги становились примером для подражания. Более того, обращение к этой проблеме приобретает все более выраженный идеологизированный характер, прием весьма неблагодарного занятия. От современного исследователя, как минимум, требуется всесторонняя, объективная оценка исторической ситуации, в которой суждено было жить людям, объективное изучение их деятельности.

В историографии сложилось интересное несоответствие — причины войн исследуются более обстоятельно, в то время как последствия сводятся, как правило, к материальным потерям и подсчету павших. Такой подход не дает представления о более отдален-

ных, но не менее значимых последствиях военных конфликтов. В частности, о глубинных психологических, ментальных «сдвигах» в общественном сознании не только побежденных, но и победителей.

Для народов Северного Кавказа последствия оказались столь же трагичными, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение. Понадобились десятилетия, смена нескольких поколений для понимания позитивного значения факта вхождения народов Северного Кавказа в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство России.

Л.Р. Хут,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп

Вслед за всплеском интереса, который российская социогуманитаристика пережила за последние десятилетия по отношению к феномену исторической памяти, мы наблюдаем сегодня рост интереса отечественного научного сообщества к так называемой «исторической политике».

Историческая политика, по мнению одного из ее российских исследователей А.И. Миллера, — это набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [4]. Иными словами, это использование истории в политических целях [5].

В основе каждой исторической политики лежит базовый сюжет, зачатую приобретающий характер мифа. Для исторической политики постсоветской России базовым сюжетом является Великая Отечественная война с акцентом на Победе. Что касается северокавказских народов, то здесь базовым сюжетом является Кавказская война XIX в. Как символическими объектами памяти у французов выступают Жанна д'Арк и Триумфальная арка,

так символическими объектами памяти у адыгов, одного из коренных этносов Северо-Западного Кавказа, выступают Красная поляна — последний очаг черкесского сопротивления на завершающем этапе этой войны, и тесно связанная с войной трагедия махаджирства — массового исхода представителей коренных северокавказских этносов за пределы исторической родины.

Кавказская война, пожалуй, самое болезненное место памяти черкесов, по поводу которого ведутся многолетние непрекращающиеся дискуссии, острота которых даже способствовала появлению понятия «Кавказская война историографий» [6], ввиду непримиримости позиций участвующих в ней сторон. Крайне политизированная на рубеже XX-XXI вв. «Кавказская война историографий» и ее логические следствия — «война конференций» и «война памятников» породили многочисленные метаморфозы самого понятия «Кавказская война», которую, в зависимости от занимаемых позиций, стали именовать либо «Большой Кавказской», «Великой Кавказской», либо «Русско-Кавказской», «Горско-Кавказской», «Русско-Черкесской (Адыгской)», либо «так называемой Кавказской войной».

Учебники отечественной истории сегодня, особенно если сравнивать между собой федеральный комплект и многочисленные региональные версии, не устают удивлять противоположностью избранных интерпретационных стратегий при описании Кавказской войны: от фигуры умолчания или характеристики событий этой войны, что называется «телеграфной строкой» до подробного многостраничного рассказа о перипетиях этой войны, связанных с ней бедствиях, в том числе трагедии выселения и т.д.. Одни и те же исторические персоналии — это в одном случае герои национальной истории, российской или кавказской, в другом — соответственно завоеватели или бандиты.

Среди возможных способов снижения рисков историографических практик исторической политики на-

зовем помещение остродискуссионных проблем во всемирно-исторический контекст и рассмотрение их с позиций исторической компаративистики, историко-антропологический подход (обращение к проблеме «человек в истории»), изучение интегративных факторов в истории отношений между народами Кавказа и Россией.

Возможно, тогда мы, профессиональные историки, и конкретно каждый из нас сможем предъявить современному российскому обществу общественно полезную функцию нашей науки. Наверное, это и будет самым достойным способом сохранения памяти о закончившейся 150 лет назад страшной войне.

Э.А. Шеуджен,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп

Уровень научной реконструкции событий Кавказской войны, как минимум, зависит от двух обстоятельств: характера введенных в оборот источников и их теоретико-методологического осмысления. Как известно, формирование источниковой базы началось «по горячим следам» происшедших на Кавказе событий, поэтому так важно учитывать, что дошедшие до нас письменные свидетельства преимущественно создавались их участниками, что неизбежно порождало эмоционально-ценностную «перегруженность»: «большое видется на расстоянии...».

Учитывая видовое разнообразие доставшихся нам в наследство документов, не менее важен вопрос о их происхождении и авторстве. Как официальные документы, так и личные записи принадлежат перу людей различных политических убеждений, культуры, традиционных представлений, что не могло не отразиться на степени их объективности, информационной и даже особенности стилистики.

Учитывая современные тенденции развития исторического знания, особое внимания заслуживают свидетель-

ства горцев Кавказа, служивших России. Так, Хан-Гирей, сделавший при императорском дворе блестящую военную карьеру, с особой скрытой болью размышлял о принципиальной разнице написания работы для «своих» и для «чужих», подчеркивая, что хотел бы писать «для своих», раз «бог даровал мне, покорнейшему вашему слуге, беспокойную охоту писать...» [7]. В известном смысле Хан-Гирей выражал настроения весьма интересной в исследовательском плане группы «интеллектуальных маргиналов». Порвав с родной средой, они так и не смогли органично вписаться в новое культурно-историческое пространство Российской империи. Именно подобные источники открывают широкие возможности для антропологически ориентированных исследований.

До настоящего времени системно не изучены устные источники. Многие события войны оказались зафиксированными на уровне, так называемой, «устной памяти», в преданиях, героических и погребальных песнях-плачах. В них отразились не только традиционные моральные нормативы поведения, закрепившаяся в сознании народа реакция на воинский подвиг, но и понимание «особости» происходивших событий: значимость гибели «на поле чести, а не в поисках добра» [8].

К великому сожалению, таких источников немного: не только в годы войны, но и по ее завершении не нашлось достаточно заинтересованных людей, чтобы описать на арабском, русском или любом другом языке трагическую историю своего народа, сохранив бесценные свидетельства «живой памяти».

Если говорить о количественном показателе: объем привлеченных источников выглядит вполне репрезентативным, но, как правило, это извлечения из сборников документов, уже прошедшие через субъективный «отбор» составителей, нередко подчиненной официальной позиции власти. До настоящего времени отсутствует археографическое описание многочислен-

ных фондов сохранившихся архивов, уцелевших после неоднократных реорганизаций и «репрессивных чисток».

Серьезные проблемы связаны с практикой теоретико-методологической работы с текстами. Нередко историки ограничиваются одним источником, не прибегая к негативной критике и сравнительному анализу. Более того, источники принимает форму смертельного оружия в продолжающихся «боях без правил». Не удалось до конца изжить пресловутый иллюстративно — цитатнический метод, способный поддерживать *любую* концепцию.

Именно эти изъяны современного источниковедения не позволяют определиться с такими базовыми проблемами, как характер Кавказской войны; адекватность терминологии, в том числе и уничижительной; позитивный и негативный опыт преодоления народами «вызовов» истории; демографические катастрофы и их травмирующие последствия. Напрашивается простой вывод: недостаточно «стать на плечи предшествующих поколений» — важно *хотеть и уметь* сделать шаг вперед, исследуя непознанные пространства истории.

В.Н. Мальцев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп

Из всех событий Кавказской войны Даргинская экспедиция 1845 г. нашла, пожалуй, самое полное представление в мемуаристике. О ней писали как непосредственные участники этого похода, так и люди, знакомые с этим резонансным эпизодом Кавказской войны со слов очевидцев. Воспоминания участников Даргинской экспедиции стали публиковаться с конца 50-х гг. XIX в. В годы, когда создавались мемуары, почти все их авторы уже имели большие военные чины, а в 1845 г., во время похода, они занимали самые разные должности в войсках и имели разный военный и боевой опыт.

Свои воспоминания о Даргинской экспедиции оставили В.Н. Норов,

К.К. Бенкендорф, В.А. Гейман, Н.И. Дельви́г, Н.И. Горчаков, А.П. Николаи, Э.С. Андриевский, Э. фон Шварценберг, А-В. фон Мерклин, Н.П. Беклимишев [9]. Почти все авторы воспоминаний — офицеры. Особняком в этом ряду стоят воспоминания гражданского чиновника барона А.П. Николаи, находившегося при возглавлявшем экспедицию главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом графе М.С. Воронцове. Рассказ А.П. Николаи — это взгляд на события похода, говоря его же словами, «гражданского походного чиновника» [10], который представил описание экспедиции с внешней стороны, без подробностей военного характера.

Разнообразие авторских позиций позволяет исследователям рассматривать одни и те же эпизоды похода в сравнительном ракурсе: от восприятия описываемых событий с позиций как младших офицеров, так и старших командиров, от оценки боевых условий экспедиции людьми, ранее не связанными с Кавказом, до оценки ситуации офицерами-«кавказцами», служившими в крае не один год. Весь комплекс свидетельств очевидцев Даргинского похода представляет самую широкую панораму кавказской военной жизни середины 40-х гг. XIX в. В воспоминаниях поднимаются такие темы, как военные и бытовые условия офицеров и солдат во время походной жизни, снабжение войск, психология офицеров и солдат, отношение к горцам, поведение русских и горцев в боевых условиях, военная стратегия и тактика русских войск и горских отрядов Шамиля и др.

Приведём пример подачи одного и того же события разными авторами. Штурм горы Анчигеер 6 июня на пути к Дарго описан многими мемуаристами: одни из них были его участниками, другие — наблюдателями. К числу первых относятся эмоциональные зарисовки графа К.К. Бенкендорфа, командовавшего батальоном Куринского полка, подробные воспоминания В.А. Геймана (прапорщика в 1845 г.), молодого офицера Н.И. Дельвига,

впервые видевшего действия кавказских войск, и офицера Куринского полка Н.И. Горчакова. Благодаря К.К. Бенкендорфу мы имеем возможность увидеть бой за гору Анчигеер как бы со стороны: в восприятии М.С. Воронцова и его окружения.

Воспоминания, в которых описываются бои на подступах к Дарго и занятие его войсками, позволяют понять мысли и чувства оказавшихся там военных. Мемуары передают восприятие военными важнейшего события экспедиции — падения Дарго. Но в оценке этого результата похода во многих записках сквозило разочарование. Н.И. Горчаков констатирует: «К вечеру [7 июля в Дарго. — В.М.] стянулся весь отряд. Но что в этом пользы! Мы им не могли утратить неприятеля ... потому, что он, видимо, чувствовал себя сильным нравственно и количественно...» [11].

Все офицеры-мемуаристы оставили описание самого трагического эпизода Даргинского похода, а возможно, и всей Кавказской войны, — т.н. «сухарной экспедиции», или «сухарного дела»: сражения с горцами 10–11 июля, в ходе которого войска понесли огромные потери. Воспоминания Н.П. Беклемишева, В.А. Геймана, В.Н. Норова дают возможность достаточно полно реконструировать все этапы этого «дела». Многие годы создатели мемуаров размышляли о причинах этого поражения. Н.И. Горчаков усматривал причины разгрома высланных для встречи провианта войск в том, что «горцы дрались с нами отчаянно, потому что, раз померяв свои силы и увидев какую-то несвязность наших действий,... воодушевились геройством; а также в том, что «мужество их усиливалось алчностью добычи, наконец, они боялись Шамиля». Кроме указанных, по его мнению, присутствовали и причины поражения иного свойства: «среди нас были военачальники, которым уже не раз доставалось от горцев», в отличие от не воевавшего на Кавказе М.С. Воронцова, и поэтому, — делал вывод автор — генералам «нужно было поравнять его с собой...» [12].

Мемуары, как вид источников по Кавказской войне, должны более глубоко изучаться и использоваться в исследованиях.

Р.А. Тлепцок,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп

Периодическая печать в исторических реалиях XIX века стала основным каналом информирования российской общественности о событиях на Северном Кавказе. Начав Кавказскую войну, России пришлось столкнуться с «неизвестным миром», с народами, имеющими другие традиции и обычаи. По мере развития событий, наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились знания о народах региона. Предпринимались настойчивые попытки расширить сложившиеся представления: благодаря усилиям исследователей, представлявших академическую науку, закладывались основы российского кавказоведения, исторический опыт и судьба северокавказских народов открывались русскому сознанию, становились достоянием исторической науки. Однако сугубо научные знания были рассчитаны на узкий круг интеллектуалов, в то время как общественное мнение формировалось в основном на материалах, опубликованных в журналах и газетах.

Сохранившиеся благодаря российским журналам материалы — от коротких заметок до объемных этнографических очерков — позволяют не только наполнить конкретными свидетельствами событийный ряд, но и представить скрытые, ментальные процессы, порожденные центральным событием северокавказской истории — Кавказской войной. В течение последней трети XIX века стали интенсивно публиковаться путевые заметки, дневниковые записи путешественников, побывавших на Кавказе, результатом которых явилось создание коллекции значительного полевого материала, обогатившего отечествен-

ное кавказоведение и расширившее представление читателя не только об этнографии и географии региона, но и других особенностях жизнедеятельности жителей Кавказа. Публикации отличает наличие материалов о природных особенностях, топографии, культурных традициях народов региона, при этом авторы, описывая условия социально-экономического быта горцев, особенное внимание уделили системе норм обычного, уголовного и семейного права.

Понятно, что, учитывая «остроту» проблематики, оценки войны в российских журналах коррелировались с эмоционально-ценностными характеристиками. Сомнительного свойства оценочные клише («дикие народы», «отсталые народы»), сложившиеся в умах людей, зачастую не имевших ни малейшего представления о многовековом культурном опыте народов, применялись на протяжении многих десятилетий. Использование для характеристики народа понятий, имеющих негативный смысл, становилось своеобразным импульсом, запускавшим психологический механизм восприятия в массовом сознании россиян негативного образа «кавказца».

В то же время благодаря письменной фиксации на страницах журналов многие события северокавказской истории приобрели статичность, избежали забвения и модификации под «напором» субъективных обстоятельств. Журнальные и газетные публикации, учитывая критерии, применяемые к системам документальных свидетельств, достаточно четко фиксировали время, когда конкретные проблемы сохраняли значимость, выполняя основную функцию, с целью которой они были созданы. Учитывая это, подобные публикации являются надежным источником ретроспективной информации.

Очевидно, что подобные источники требуют развитых источниковедческих знаний, высокого уровня интерпретации и критического анализа, четких, отработанных методик. Историком хорошо известно, какие сложные

эвристические и источниковедческие проблемы приходится преодолевать, оперируя сообщениями источников, созданных в период этнических конфликтов и, особенно, войн и ориентированных на формирование массового сознания. Работая с подобного вида публикациями, безусловно необходимо учитывать исторический фон их появления и своеобразие исторического пути народов Кавказа.

Ф.Х. Шебзухова,

кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-928-291-22-23

В памяти каждого народа есть события, как бы «вневременные», память о которых сохраняется в веках. Именно к таким болевым «местам памяти», как отмечает профессор Э.А. Шеуджен, с полным правом может быть отнесена Кавказская война» [15].

Событие такой важности, как Кавказская война, не могло не привлечь внимание периодических изданий Российской империи. Одним из ярких и читаемых журналов того времени был «Вестник Европы», издававшийся Н.М. Карамзиным с 1802 г. Целью информационной политики ведущих периодических изданий, в том числе и «Вестника Европы», стало воспитание компетентного читателя, так как они теперь участвовали в формировании публичного мнения, соединяющего светское общество, научную и политическую элиту страны.

«Вестник Европы» стал органом русской либеральной буржуазии. Свидетельством устойчивого геополитического интереса Российской империи к Кавказу была публикация в 1826 г. в преддверии русско-турецкой войны материалов о состоянии дел на Кавказе. Немалый интерес у читателей «Вестника Европы» вызвала публикация в журнале подробностей из «первых рук» от участника плавания эскадры Черноморского флота под начальством контр-адмирала С.А. Пустошина

к г. Анапе и обстоятельствах его взятия. После подробного перечисления военной добычи идет описание уровня жизни города. «Сей город, объятый пламенем, представляет печальное зрелище и возбуждает в сердцах соболезнование... Речь идет о жестокостях с обеих воюющих сторон. Далее русские войска остались там на делание мин еще одну неделю, в течение которой 4-й морской полк отражал черкесов, приезжающих беспрестанно в великом множестве к крепости; их было побито около ста, а ранено и того больше» [16].

К сожалению, на страницах журнала встречаются оценки и совершенно другого характера. Так, Е.П. Ковалевский считает, что для России Парижский мир был началом счастливых событий на Кавказе, оправдывает войну России с кавказскими народами, насильственное их выселение в Турцию, отмечая при этом, что принятая мера была вызвана прискорбностью и крайней необходимостью. Цинично звучит причина выселения исконных народов со своей исторической Родины. Оказывается, дело в том, что вражда между черкесами и русскими дошла до крайних пределов и сосредоточилась в одном вопросе: кому владеть страной — черкесам или русским? Оставить черкесам во владение эту богатую дарами природы страну с тем, чтобы они по-прежнему вели в ней полукочевую жизнь и занимались грабежом или предоставить ее России для водворения в ней промышленности и цивилизации? Ответ, кажется, не может быть сомнительным. Для всякого русского патриота одно желание, чтобы заселение благодатной страны последовало как можно скорее. При этом он добавляет: «Мы не будем здесь указывать для сравнения на то, как поступали европейцы с туземцами, на колонизацию англичан в Австралии. Это уже далеко не то, что сделало русское правительство с черкесами, предложив им выбор — переселиться на Кубанскую плоскость или отправиться в Турцию. От них зависело избрать последнее» [17].

Ситуация с изучением характера, хода и итогов Кавказской войны на сегодняшний день такова, что у исследователей есть еще широкое поле деятельности. Хочется надеяться, что истории этой чудовищной войны, наконец, будет дана справедливая оценка.

А.С. Иващенко,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп

Одной из разновидностей мемуарной литературы по истории Кавказской войны 1817-1864 гг. являются небольшие по объёму воспоминания младшего офицерского состава и даже рядовых, в силу определённых причин побывавших в плену у народов Северного Кавказа. По тематически-хронологическому принципу и по происхождению, несмотря на свою специфику, это военные мемуары. Это военные мемуары хотя бы потому, что младшие офицерские чины попадали в плен в ходе локальных военных операций или неся службу в крепостных гарнизонах в период Кавказской войны. По типологии — такого рода мемуарную литературу можно классифицировать как сюжетные записи. По своему содержанию и достаточно компактному объёму (от 19 до 67 страниц) эта разновидность мемуаристики похожа на очерки.

Эти сюжетные мемуары-очерки довольно активно публиковались на страницах ряда периодических изданий, издававшихся в Российской империи как в период непосредственного хода Кавказской войны, так и после её окончания [18]. Среди таких периодических изданий следует выделить, в первую очередь, ежемесячный научный журнал «Военный сборник», который издавался военным министерством в Санкт-Петербурге с 1858 по 1917 гг. Кроме того, также ежемесячный историко-литературный журнал «Русский архив». Это периодическое издание выходило в свет с 1863 по 1917 гг. в Москве, а его редактором длительное время был историк, археограф и библиограф П.И. Бартнев. Необходи-

мо также упомянуть литературно-политические журналы «Русский вестник», издававшийся с 1856 по 1906 гг. М. Катковым, и, конечно же, «Современник», который публиковался в Санкт-Петербурге с 1836 по 1866 гг., и другие издания.

Мемуары-очерки российских военнопленных, прочитанные нами в четырёх вышеназванных журналах, представляют собой своеобразный жанр художественной литературы для занимательного чтения. Все четыре очерка мемуарного характера весьма насыщены материалом, передающим эмоциональные впечатления российских военнопленных, связанные с их статусом и неопределённостью будущего.

Из четырёх проанализированных нами очерков-мемуаров российских военнопленных лишь один имеет полные выходные данные относительно фамилии, имени, воинского звания, времени и места действия. Это воспоминания штабс-капитана Ивана Клингера [19]. Данные относительно трёх других военнопленных — неполные. Вероятнее всего это было связано с желанием самих военнопленных сохранить определённую анонимность для более полного представления своих переживаний и человеческих слабостей. Так, из текста очерка «Плен у шапсугов» известно, что его автором был урядник (унтер-офицерский чин в казачьих войсках — А.И.) воинской части под командованием генерал-майора Рудановского по имени Степан, захваченный в плен в 1860 г. [20]. Два оставшихся очерка-воспоминания вообще лишь написаны со слов военнопленных совершенно сторонними авторами. Однако по «сочности» языка и панорамности излагаемых событий один из них был явно человеком образованным [21]. Что касается четвёртого очерка военнопленного, то в нём идёт речь о рядовом Шелестовском — военном служащем Навагинского полка.

Нам представляется, что публикация воспоминаний военнопленных в периодических изданиях Российской империи имела целью не только удовлетворение вполне естественного

любопытства российского социума о Кавказской войне, но и стремление через эти публикации «наводить мосты» между россиянами и горскими народами. Ведь в очерках-мемуарах военнопленных говорится не только о тяготах плена, но и сочувствии определённой части горцев к незавидной судьбе военнопленных, их высокая оценка мужества тех военных, которые до последнего сопротивлялись перед попаданием в плен и т.д.

Л.Д. Федосеева,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной
истории, историографии, теории и
методологии истории Адыгейского го-
сударственного университета, г. Май-
коп*

Затяжная Кавказская война вызвала резкий поворот в оценке региона как на самом Северном Кавказе, так и в России и даже за ее пределами. Военное противостояние оказало огромное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Для современников, а затем и потомков, война надолго застлонила все другие проблемы. Она повлияла на общий характер источников второй половины — конца XIX в., а также на сам подход к изучению истории региона. Именно с этого времени акцент на изучение войны возобладали как в большинстве описаний, так и в научных исследованиях.

Во-первых, участники войны, которые на протяжении долгих десятилетий не выпускали из рук оружия, наконец, перевели дух и почувствовали потребность осознать, осмыслить и зафиксировать собственный опыт и сделать его историческим опытом нации. Тем более, что создавшееся сообщество служивших в этом крае офицеров, ученых, администраторов в период николаевской реакции, пополнялось талантливыми людьми, обладавшими высоким уровнем гражданского сознания. Во-вторых, эти образованные люди находились внутри богатейшей литературной традиции. Они умели и любили писать — ярко, талантливо, точно и подробно, а это особенно ценно

для историка. В-третьих, на Кавказе начиналась большая работа по включению этого края в состав Российской империи. Данные мероприятия требовали обширных и качественных знаний истории, этнографии и статистики Кавказа.

В публикациях источников этого времени предпочтение отдается военной истории. Именно по этому принципу построено издание в 60-х гг. архивных материалов деятельности наместничества Кавказского, получившее название «Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК)». Этот крупнейший дореволюционный сборник документов включает 12 томов и охватывает период с 1799 по 1862 гг.

После завершения войны активизируется научная деятельность на Северном Кавказе. Императорское Русское географическое общество проводит картографирование и описание региона, издавая в Тифлисе многотомные статистические и справочные издания. В 60-х гг. начал выходить «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ, 1868-1881), в 80-х гг. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (1881-1915)», в 70-х гг. «Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества» (КО ИРГО 1872-1917). С 1849 по 1917 гг. публиковался непревзойденный справочник «Кавказский календарь».

Еще во времена наместничества М.С. Воронцова, в 1846 г., начала выходить газета «Кавказ», уделявшая большое внимание событиям Кавказской войны и накоплению сведений о регионе. В 1876 г. в Тифлисе выходит первый том «Кавказского сборника» (1876-1912) — собрания важнейших источников по истории Кавказской войны, издававшийся Военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа по указанию главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича.

Таким образом, во второй половине XIX в. на Кавказе начался своего рода «публикаторский бум». Завершившаяся Кавказская война, которая была

наполнена драматическими событиями, яркими личностями, примерами полководческого искусства и воинской доблести, оказывала и продолжает оказывать влияние на видение региона в российской и зарубежной историографии.

С.Х. Хотко,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского государственного института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: 8-906-438-34-10, e-mail: inalast@mail.ru

До войны 1828 — 1829 гг. между двумя империями — Российской и Османской — в российской картографии Кавказа не учитывался факт пребывания закубанской Черкесии в составе Османской империи. В качестве основного примера приведем карту ген.-м. Александра Ильича Хатова (1780 — 1846), одного из ведущих военных топографов и картографов, которая считалась наиболее полным картографическим отображением Кавказа в период до Адрианополя [22]. Хатов никак не показывает принадлежность закубанской Черкесии Османской империи, что признавалось Россией и было вполне ощутимой политической реальностью во время его работы над картой.

На основе карты Хатова, по распоряжению Ж.-Ф. Гамба (1763 — 1833), французского консула в Тифлисе, был составлен французский аналог, получивший большую известность. Но в отличие от оригинала он содержит актуальную политическую информацию: Анапа и Суджук-кале отмечены как принадлежащие туркам [23]. Карта близкого ко двору Хатова воспринималась в Европе в качестве своего рода внешнеполитического «манифеста» царского правительства [24]. Согласно этому «манифесту», Петербург не считал адыгские земли или Черкесию территорией Османской империи. Тогда как после Адрианополя царские дипломаты горячо уверяли всех, что территориальная уступка Порты совершенно легитимна, поскольку до сентя-

бря 1829 г. Черкесия была подчинена Стамбулу, и что этот факт свято признавался царским кабинетом [25].

Следующая известная карта Кавказа, которая отражала официальную позицию царского кабинета, появилась в 1823 г. и была создана под редакцией выдающегося знатока региона С.М. Броневского, который находился длительное время на административной и дипломатической службе, в том числе и на Кавказе [26]. По роду своей службы С.М. Броневский не мог не знать о том, что Российская империя признает вхождение черкесского Закубанья в состав Османской империи, но при всем том его карта совершенно не учитывает этот факт.

Эта же ситуация с нежеланием признавать факт нахождения Северо-Западного Кавказа в составе Османской империи сохраняется на «Генеральной карте Кавказской области и земель горских народов» В. П. Пядышева 1825 г. [27].

Двойственная позиция царской дипломатии в период до 1829 г. в отношении статуса Черкесии, способствовала интенсификации международной дискуссии о последствиях Адрианополя для Черкесии на протяжении 1830-х гг.

Ж.М. Хабиева,

преподаватель высшей категории общественных дисциплин Майкопского медицинского колледжа, г. Майкоп

В отечественной исторической науке тема Кавказской войны 1817-1864 годов приобрела особую актуальность на фоне событий, происходящих на Северном Кавказе в настоящее время. Обращение к данной проблеме обусловлено стремлением историков, политологов разобраться в специфике русско-кавказских отношений, понять логику процессов, изменений, протекающих в северокавказском регионе в наши дни. Научная актуальность исследования проблемы оценки Кавказской войны 1817-1864 годов современниками состоит также в том, что исторический анализ взглядов непосредственных «наблюдателей», поможет осмыслить сложность, разносторонность, значение тако-

го события в российской истории, как Кавказская война XIX столетия.

В досоветский период историей Кавказской войны 1817-1864 годов занимались, как правило, военные историки, которые сами являлись участниками боевых действий на Кавказе. Среди крупных дореволюционных историков, занимавшихся изучением Кавказской войны, следует отметить Н.Ф. Дубровина, А.Л. Зиссермана, А.А. Каспари, В.А. Потто, Д.И. Романовского, Р.А. Фадеева, С.С. Эсадзе [28].

Дореволюционные исследователи затронули в своих работах вопрос об оценке данного исторического события современниками. Основное внимание они уделили взглядам государственных деятелей и представителей военного командования на Кавказе. Так, историк В.А. Потто достаточно подробно рассмотрел деятельность генерала А.П. Ермолова, показал его позицию по вопросу присоединения Северного Кавказа [29].

В работах историков досоветского периода предпринимались попытки показать точки зрения современников на методы покорения Кавказа. Например, в работе Д.И. Романовского в качестве приложений были опубликованы записки адмирала Н.С. Мордвинова и генерала А.А. Вельяминова о способах покорения Кавказа.

В результате можно сделать вывод, что проблема «Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников» рассматривалась либо обобщенно, либо анализировались взгляды определенных представителей российского общества или наиболее ярких военных деятелей Кавказской войны. Такое положение позволяет обратиться к обстоятельному изучению темы оценки Кавказской войны 1817-1864 годов современниками.

А.К. Чеучева,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета

Касаясь событий Кавказской войны, необходимо подчеркнуть важность

освещения их извне. Одной из стран, внимательно отслеживавшей события в кавказском регионе, являлась Великобритания. Обращение к британским парламентским документам представляет нам панораму активных политических дебатов и стремления играть в кавказских событиях не только роль стороннего наблюдателя, но и полноправного участника.

Основным парламентским изданием являются дебаты — официальные стенографические отчеты заседаний обеих палат парламента (палаты лордов и палаты общин). Парламентские дискуссии, проходившие в наиболее критические периоды развития международных отношений на Северо-Западном Кавказе, касались вопросов с инцидентом «Виксен» и в период обсуждения итогов Крымской войны, в том числе и на Кавказе [30].

Парламентские издания — это не только стенографические отчеты, но и все опубликованные материалы о деятельности британского парламента (так называемые Синие, Белые, Зеленые книги — по цвету обложки); сессионные документы, билли, законодательные материалы. Для нас ценными являются материалы «Синих книг» по вопросам внешней политики Великобритании. МИД опубликовал документы, относящиеся к внешней политике. Подбору источников способствовало использование каталога «Синих книг», изданного Темперли и Пенсон [31]. Это материалы, связанные с инцидентом «Виксен». Основу сборника составила дипломатическая корреспонденция Пальмерстона и английских послов в Константинополе, Петербурге и т.д. [32]. Огромный интерес представляют документы, касающиеся черкесской эмиграции. Сопоставление донесений британских послов и консулов из Петербурга, Парижа, Константинополя, Одессы, Трапезунда и Сухум-кале о ходе черкесской эмиграции дает возможность уточнить отдельные исторические факты и изучить иные политические оценки происшедших событий. Однако оценка событий в этих документах носит явно тенденциозный

характер, представляя картину бескрыстного участия англичан в черкесском вопросе [33].

Особо следует отметить еще один английский источник, богатый материалами о планах Англии в отношении Кавказа. Это официальные документы лондонского адмиралтейства периода Восточной войны. Они отражают глубокое разочарование по поводу политической пассивности адыгского населения в годы Крымской войны [34].

Среди опубликованных документов представляет интерес официальная переписка между правительствами России, Англии, Франции, Австрии и Тур-

ции в связи с инцидентом с «Виксен» К этой же группе документов относится переписка Пальмерстона с первыми лицами английского государства и работниками константинопольского посольства, опубликованная в примечании к работам Ч. Вебстера «Внешняя политика лорда Пальмерстона», «Уркарт, Понсонби и Пальмерстон» [35].

Таким образом, круг британских парламентских документов по истории Кавказа достаточно широк. Все вместе они представляют панораму активной заинтересованности и прямого участия Великобритании в кавказских событиях.

Примечания:

1. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. №1. С. 6.
2. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.): сб. док. Нальчик, 2001; Кавказская война: истоки и начало 1770-1820 годы. СПб., 2002; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Нальчик, 2003 и др.
3. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб., 2005.
4. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. №3-4. С. 10.
5. Его же. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 7.
6. Олейников Д.И. Большая Кавказская война // Родина. 2000. №1-2. С. 55.
7. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 52.
8. Бэлл Дж. Дневники пребывания в Черкесии в течение 1837-1838 годов.: в 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007. С. 287.
9. Даргинская трагедия 1845 год. СПб., 2001.
10. Там же. С. 461.
11. Там же. С. 447.
12. Там же. С. 451.
13. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы». М., 2010.
14. Шеуджен Э.А. Предисловие // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. М., 2010.
15. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп, 2010. С. 92.
16. Док. №6 Плавание эскадры к городу Анапе, взятие оно и обратное в Севастополь прибытие. (Сообщено от одной почтенной особы) // Вестник Европы. 1807. Ч. 34, №13 // Цит. по: Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802-1918 гг.). С. 41.
17. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. Ст. 1 // Вестник Европы. 1867. Т. 3. 9/21 сентября. С. 75-140 // Цит. по: Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы». (1802-1918 гг.). С. 115.
18. Савинов В.И. Три месяца в плену у горцев // Современник. СПб., 1848. №7. С. 1-19; Кавказский офицер. Плен у шапсугов // Военный сборник. СПб., 1864. №11. С. 197-219; Клингер И.А. Два с половиной года в плену у чеченцев (1847-1850) // Русский архив. М., 1869. №6. С. 964-1006; Волконский Н.А. Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // Русский вестник. М., 1882. №5. Т. 159, ч. 1. С. 217-284.
19. Клингер И. Указ. соч.
20. Кавказский офицер. Плен...
21. Савинов В. Указ. соч.

22. Генеральная карта земель между Черным и Каспийским морями лежащих, с означением новой границы России с Персией. С новейших карт сочинена свиты его императорского величества по квартирмейстерской части генерал-майором Хатовым, в 1819 году. 50 верст в 1 дюйме. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20565. Л. 1.

23. Carte générale du pays entre les mers Noire et Caspienne: avec la désignation des nouvelles frontières de la Russie et de la Perse telles qu'elles ont été arrêtées entre les Persans et le Gal Major Khatov en 1819... / par J. M. Darmet. 1820. Bibl. Nazionale Centrale Di Firenze. URL: <http://teca.bncf.firenze.sbn.it/ImageViewer/servlet/ImageViewer?idr=BNCF0003492468>.

24. Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию / пер. с англ. Н.А. Нефляшевой. Майкоп, 1994. С. 130.

25. Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гель / вступит. ст. и коммент. А. Немзера. М., 1990. С. 209.

26. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа / сост. А. Максимовичем. СПб., 1823. URL: http://www.runivers.ru/mp/maps-detail.php?ID=468969&SECTION_ID=8210.

27. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kaukasian_oblast_1825.jpg.

28. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871.

29. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 2. Ставрополь, 1994.

30. Hansard's Parliamentary Debates. (Далее — HPD). 3-d series.

31. Temperley H., Penson L. A century of diplomatic Blue Books 1814-1914. Cambridge, 1938.

32. Vixen: Papers relating to Seizure and Confiscation by Russia // State Papers. London, 1837. Vol. LIV. Session 31. January to 17 July 1837. P. 535-572; Vixen: Further Papers relating to the Seizure and Confiscation of the 'Vixen', by the Russian Government // State Papers. Vol. LV. London, 1838. Session 15 November 1837 to 16 August 1838. P. 221-236.

33. Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey, 1863-1864 // State Papers. Vol. LXIII. Session 4 February 29 Juli 1864. P. 1-11.

34. Russia war, 1854. Baltic and Black sea. Official correspondence. MDCCCC XLIV, London, 1945; Russia war, 1855. Black sea. Official correspondence. MDCCCC XLIII, London, 1945.

35. Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston. Vol. 2. London, 1951; ejusd. Urquhart, Ponsonby and Palmerston // The English Historical Review. 1947. Vol. 62, №244. P. 327-351.

References:

1. Kovalchenko I.D. Theoretical and methodological problems of historical research. Notes and reflections on new approaches // Modern and Contemporary History. 1995. No 1. P. 6.

2. Problems of the Caucasian War and the eviction of Circassians to the Ottoman Empire (1820s -1870s) Col. Doc. Nalchik, 2001; Caucasian War: Origins and the beginning of the 1770-1820 period. SPb., 2002; Archival materials about the Caucasian War and the eviction of Circassians (the Adyghe) in Turkey (1848-1874). Nalchik, 2003, etc.

3. The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusion and reality. Starting 19th — early 20th centuries. SPb., 2005.

4. Miller A.I. Russia: the power and history // Pro et Contra. 2009. No. 3-4. P. 10.

5. Miller A.I. Historical policy in the Eastern Europe of the beginning of the 21st century // Historical policy in the 21st century: sb. St.. M., 2012. P. 7.

6. Oleinikov D.I.. Great Caucasian War // Rodina. 2000. No. 1-2. P. 55.

7. Khan-Girey. The Circassian legends. Selected works. Nalchik, 1989. P. 52.

8. Bell G. Diaries of residence in Circassia during the 1837-1838 years.: in 2 v. V. 1. Nalchik, 2007. P. 287.

9. Dargo tragedy. 1845.SPb., 2001.

10. Ibidem. P. 461.

11. Ibidem. P. 447.

12. Ibidem. P. 451.

13. The process of incorporation of the Caucasus into Russian Empire from the «The Messenger of Europe». M., 2010.

14. Sheudjen E.A.. Introduction // The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. M., 2010.

15. Sheudjen E.A. Adyghe (Circassians) in the space of historical memory. M.; Maikop, 2010. P. 92.

16. Doc.No.6 Swimming squadron to Anapa, taking there of and the opposite to Sevastopol arrival. (Reported by one honourable personage) // Herald of Europe. 1807. Ch 34, No. 13 //:

The process of incorporation of the Caucasus in the Russian Empire. Extracts from «The Messenger of Europe» (1802-1918). P. 41.

17. Kovalevsky E.P. Sketches of the Caucasus ethnography. Art. 1 // Herald of Europe. 1867 V. 3, 9/21 of September. P. 75-140 // Op. by: The process of incorporation of the Caucasus in the Russian Empire. Extracts from «The Messenger of Europe.» (1802-1918) P. 115.

18. Savinov V.I. Three months in captivity of mountaineers // The Contemporary. SPb..., 1848. No. 7. P. 1-19; The Caucasian officer. Prisoner with Shapsugs // Military Collection. SPb., 1864. No. 11. P. 197-219; Klinger, I.A. Two and a half years in Chechens captivity (1847-1850) // Russian archive. M., 1869. No. 6. P. 964-1006; Volkonskyi N.A. Seven years in captivity at the Highlanders (1849-1856) // Russian Gazette. M., 1882. No.5. V. 159, Part 1, P. 217-284.

19. Klinger I Ukaz.soch...

20. The Caucassian officer. Captivity...

21. Savinov V. Ukaz.soch.

22. General map of the lands between the Black and Caspian seas lying, with the aforesaid new border between Russia and Persia. With the latest maps composed retinue of His Imperial Majesty by Quartermaster General Major Hatov in 1819. 50 miles to 1 inch. RG VIA. F. 846, Inv. 16 D. 20565. L. 1.

23. Carte générale du pays entre les mers Noire et Caspienne: avec la désignation des nouvelles frontières de la Russie et de la Perse telles qu'elles ont été arrêtées entre les Persans et le Gal Major Khatov en 1819... / par J. M. Darinet. 1820. Bibl. Nazionale Centrale Di Firenze. URL: <http://teca.bncf.firenze.sbn.it/ImageViewer/servlet/ImageViewer?idr=BNCF0003492468>.

24. Spenser Ed. Journies to Circassia / tr. From eng. N.A. Neflyasheva. Maikop, 1994. P. 130.

25. Vyazemsky P.P. Letters and notes. Ommer de Gel / intr.art..and comment. A. Nemzera. M., 1990. P. 209.

26. Map of the Caucasian land with the part of Great Armenia, published by Semen Bronevsky to the description of the Caucasus / comp. A. Maximovich. SPb., 1823. URL: http://www.runivers.ru/mp/maps-detail.php?ID=468969&SECTION_ID=8210.

27. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kaukasian_oblast_1825.jpg.

28. Dubrovin N.F. History of the War and Russian domination in the Caucasus. SPb., 1871.

29. Potto V.A.. The Caucasian War: in 5 V. T. 2. Stavropol, 1994.

30. Hansard's Parliamentary Debates. 3-d series.

31. Temperley H., Penson L. A century of diplomatic Blue Books 1814-1914. Cambridge, 1938.

32. Vixen: Papers relating to Seizure and Confiscation by Russia // State Papers. London, 1837. Vol. LIV. Session 31. January to 17 July 1837. P. 535-572; Vixen: Futher Papers relating to the Seizure and Confiscation of the 'Vixen', by the Russian Government // State Papers. Vol. LV. London, 1838. Session 15 November 1837 to 16 August 1838. P. 221-236.

33. Papers respecting the Settlement of Circassian Emigrants in Turkey, 1863-1864 // State Papers. Vol. LXIII. Session 4 February 29 July 1864. P. 1-11.

34. Russia war, 1854. Baltic and Black sea. Official correspondence. MDCCCC XLIV, London, 1945; Russia war, 1855. Black sea. Official correspondence. MDCCCC XLIII, London, 1945.

35. Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston. Vol. 2. London, 1951; ejusd. Urquhart, Ponsonby and Palmerston // The English Historical Review. 1947. Vol. 62, No. 244. P. 327-351.